

Друзья детства

Позже он пытался сравнить два мира и обнаружил, что многое в них совпадало: времена года, климат, течение времени.

Люди, населявшие их, тоже были в основном те же. По крайней мере, так казалось поначалу. По мере углубления в исследования он находил всё больше различий.

Например, какое-нибудь эпохальное изобретение существовало в обоих мирах, но появлялось в разное время, и создавали его разные люди. Соответственно, отличались и названия компаний, и расположение их штаб-квартир. Но само изделие существовало и в равной степени облегчало жизнь людей.

История в общих чертах тоже была схожей. Крупные династии и эпохи совпадали, но история малых государств и второстепенных событий часто различалась. История многократно переписывалась, но каждый раз возвращалась на центральную линию, сохраняя общее направление.

С судьбами обычных людей всё было ещё сложнее.

Как, например, с соседом, дядюшкой Чжаном, и водителем, Сяо Чжаном.

Но в целом эти люди существовали в обоих мирах. Даже тот человек, который в одном мире совершил великое открытие, а в другом остался никем, — Фа Мучжи потратил немало сил, чтобы это выяснить, — всё равно существовал. Он был обычным офисным служащим, но в прошлом учился в одном классе с тем, кто занял его место в истории.

Причины этих расхождений лежали за пределами его возможностей для исследования.

Но и того, что он узнал, было достаточно, чтобы понять: большинство людей существовало в обоих мирах, и именно их одновременное присутствие обеспечивало схожесть развития. Даже если менялись отдельные личности, благодаря наличию остальных общая картина оставалась практически неизменной.

Исключением были только его семья и Су Хуанью.

Если назвать мир, в котором он вырос, миром А, а тот, в который он попал через дерево, миром Б, то получалось, что в мире Б он никогда не рождался. Он нашёл в том же детском доме записи о своих родителях, но они, по-видимому, умерли вскоре после поступления туда. Раз не было их, не было и его с братом и сестрой. С Су Хуанью ситуация была иной — он, казалось, никогда не существовал в мире А. Его дед там был, но тоже умер много лет назад. С

остальными членами его семьи Фа Мучжи не был знаком, а их клан был слишком велик и влиятелен, чтобы он мог что-то разузнать.

Конечно, нельзя было с полной уверенностью утверждать, что Су Хуанью никогда не существовал в мире А. Возможно, он и был, но, подобно родителям Фа Мучжи в мире Б или родинке на губе водителя Сяо Чжана с маршрута №145 в мире А, по каким-то причинам не дожил до настоящего времени.

Подобные различия встречались повсюду. Если представить людей винтиками в огромном механизме общества, то некоторые из них могли быть повреждены или отсутствовать, но сам механизм продолжал работать. На место одного винтика тут же вставал другой, и развитие системы шло своим чередом. Но для самих людей это означало изменения в судьбе или даже кардинальные повороты.

Судьба определяется самими людьми, приправленная щепоткой удачи или невезения — к такому выводу пришёл Фа Мучжи, завершив свои исследования.

Раз уж так случилось, нужно было приспособливаться. Из-за различий между мирами у его семьи возникали некоторые проблемы. Например, банковская карта матери. Поскольку дом они покупали за наличные, она не стала оформлять новую карту. Но если бы она попыталась это сделать, то обнаружила бы, что, хотя банки в обоих мирах совпадали, данных о ней в этой реальности не существовало. К счастью, к тому времени Фа Мучжи уже понял, что это два разных мира. Он просто оформил для матери новую карту и в тот же миг обнаружил, что её номер полностью совпадает с номером старой карты из другого мира.

Очевидно, это была ещё одна «коррекция», своего рода возвращение к норме.

За время жизни здесь Фа Мучжи не раз сталкивался с подобными «коррекциями» и «возвращениями». Когда он закончил улаживать все формальности, их семья выглядела так, словно существовала в обоих мирах одновременно.

Впрочем, учитывая, что ни его родители, ни брат с сестрой теперь не жили ни в одном из этих миров, всё это казалось бессмысленным.

Хотя нет, не совсем. По крайней мере, это позволяло его матери дольше не догадываться о различиях.

«Вероятно, она до сих пор думает, что я живу в нашем обычном мире...»

«Что ж, хоть это и параллельная реальность, она тоже вполне заурядная»

«Наверное...»

Когда стрелки настенных часов указали ровно на шестнадцать сорок пять, Фа Мучжи закрыл ноутбук, выдернул шнур из розетки, проверил порядок на столе и в шкафах. Он надел пиджак, взял портфель и вышел из офиса, закончив рабочий день.

Как один из лучших выпускников своего потока, получивший ещё до окончания учёбы два самых престижных сертификата в бухгалтерской сфере — для третьего требовался десятилетний стаж работы, — Фа Мучжи мог без труда найти работу. Если не сразу на руководящую должность, как сейчас, то уж точно в крупную компанию на начальную позицию.

Причиной, по которой он выбрал эту небольшую, недавно открывшуюся фирму, стало обещание, данное ему владельцем на собеседовании:

— Главное преимущество нашей компании... никаких переработок! Будешь уходить ровно в четыре сорок пять!

Этого было достаточно. Фа Мучжи сразу же согласился и с тех пор стабильно работал, уходя со службы ровно в четыре сорок пять.

Когда он вышел из здания, послеполуденное солнце всё ещё светило ярко. Он на мгновение сощурился, а когда снова открыл глаза, увидел выходящего из соседнего корпуса Су Хуанью.

Что ж, тот тоже заканчивал работу ровно в четыре сорок пять.

Пока в офисах за их спинами кипела работа, а на площади не было ни души, двое друзей встретились.

Они обменялись улыбками, довольные своим уникальным рабочим графиком. Быть не таким, как все, — это неплохо. Главное — быть таким же, как тот, кто рядом. В их взглядах читалась одна и та же мысль.

Как и в школьные годы, многие их привычки сохранились и после начала работы.

Например, Журавлиный кулак.

Когда-то Су Хуанью предложил заняться этим боевым искусством, чтобы укрепить здоровье и иметь возможность дать отпор хулиганам. И почему-то они продолжали тренировки до сих пор. Точнее, Фа Мучжи так и не бросил занятия.

Что и говорить, для человека, который до сих пор носил в своём портфеле стальную пластину для укрепления тела, Журавлиный кулак был идеальным видом спорта: не требовал много места и специального снаряжения, заниматься можно было где угодно. Одним словом — экономно. К тому же, это была не просто красивая гимнастика. Встретившись с противником, он убедился в её эффективности.

Уже на третий год занятий он превзошёл своего тренера, но всегда с уважением относился к человеку, открывшему ему этот путь. Поэтому, когда учитель недавно попросил его выступить в качестве почётного гостя на организуемом им турнире, он согласился.

Пригласили только Фа Мучжи, но Су Хуанью настоял на своём участии. Разумеется, не в качестве боксёрской груши, а в роли дизайнера костюма, композитора и хореографа. Поэтому в последнее время после работы они часто встречались для репетиций. За исключением тех дней, когда Фа Мучжи спешил домой, всё остальное время они посвящали этому.

Сегодняшний день не стал исключением.

— Я вчера доработал музыку, давай сегодня прогоним всё от начала до конца, — сказал Су Хуанью. Сняв элегантный пиджак, он накинул свободный двухслойный халат из дорогой ткани и, не застёгивая, сел на подушку в углу комнаты.

В руках он держал изящную пипу, а рядом курились благовония, наполняя воздух сложным цветочным ароматом.

Фа Мучжи кивнул, снял рубашку и, сменив брюки на свободные хлопковые штаны, босиком вышел на середину комнаты.

Они находились в частном додзё Су Хуанью. Трудно было сказать, что здесь располагалось раньше. Место было уединённым, окружённым изысканным садом с павильонами и прудами. Сам додзё представлял собой павильон на воде, к которому вела лишь одна узкая дорожка. Вместо стен здесь были лишь полупрозрачные шелковые занавеси. Изнутри сад казался частью пейзажа, а снаружи — они сами становились его частью.

Особенно когда зазвучали струны, и Фа Мучжи, сложив ладонь в форме крыла, начал свое выступление.

Мелодия пипы была чарующей: звуки то катились, как жемчужины, то падали, как нефрит, то сплетались в тихий шепот, нежный и ласковый. Она была то звонкой, то протяжной, рассказывая свою историю.

Это было одно зрелище.

А за полупрозрачной завесой, в белых штанах, с обнажённым торсом, кожа которого отливала в свете ламп перламутром, двигался юноша — и это было другое зрелище.

Нужно было признать, что за десять с лишним лет ежедневных тренировок Фа Мучжи постиг истинную суть этого искусства. Он практиковал боевой стиль, созданный для сокрушения врагов, но поскольку его душой был образ журавля, его движения приобрели невероятную грацию. Он был подобен взрослому журавлю в расцвете сил: его крылья окрепли, а когти и

клюв стали смертоносным оружием. Но благодаря его природной стати и благородству в каждом жесте, в этой силе не было и тени жестокости. Лишь чистая, совершенная красота.

Мелодия и движения идеально дополняли друг друга.

Хотя нет, нельзя сказать, что ими никто не любовался.

Когда мастер в белом взмывал в воздух и опускался на пол, и капли пота скользили по его рельефному прессу, сидевший рядом музыкант с улыбкой ловил каждое его движение. А переборы его длинных пальцев по струнам были подобны иному танцу, и каждый раз, когда боец поворачивался в его сторону, он замирал на мгновение, поражённый — то ли танцем пальцев на струнах, то ли самим музыкантом...

***

Записки из сумки — что же там нашлось:

- Сухие салфетки

- Влажные салфетки

- Спиртовые салфетки

- Мыльная бумага

- Маска

- Ключи от дома

«Хм... И почему у меня в сумке столько бумаги?»

«А что у вас?»

<http://bllate.org/book/15988/1499232>